

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Косов А.П.

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
г. Витебск

Изучение внешней политики США на Ближнем Востоке в годы «холодной войны» занимает заметное место в российской историографии международных отношений и внешней политики. Данной проблематике посвящены многочисленные монографии и статьи, выполненные в Институте США и Канады РАН, Институте мировой экономики и международных отношений РАН, Институте востоковедения РАН и т.д. Исследованию различных аспектов ближневосточной политики США: месту региона в американском внешнеполитическом курсе, роли США в арабо-израильском конфликте, советско-американскому противостоянию на Ближнем Востоке и т.д., посвятили свои работы К.Н. Брутенц, И.Д. Звягельская, О.А. Колобов, Д.Б. Малышева, Г.И. Мирский, Е.М. Примаков, А.И. Уткин, А.Ю. Шумихин и многие другие.

В современной российской литературе существуют различные оценки ближневосточной политики США в годы «холодной войны». Однако подавляющее большинство исследователей полагает, что курс США в регионе был подчинен решению глобальных задач по укреплению американского влияния в мире. По этой причине Ближний Восток и был объявлен зоной национальных интересов Вашингтона. Важную роль играло, по мнению многих авторов, и американско-советское соперничество на Ближнем Востоке, так как противодействие СССР лежало в концептуальной основе ближневосточной политики Соединенных Штатов.

В современной российской историографии общепризнанной является точка зрения, что в свое время «уход» Великобритании из района Персидского залива послужил поводом для появления на Западе так называемой теории «вакуума», т.е. отсутствия гарантии безопасности бесперебойным поставкам нефти западным странам. На базе этой теории и стала строиться вся внешнеполитическая деятельность США и государств НАТО применительно к Персидскому заливу. Как известно, теория «вакуума» в качестве одной из своих главных составных частей предполагала наличие реальной угрозы со стороны Советского Союза стратегическим интересам Запада в этом районе якобы ввиду стремления СССР установить контроль над нефтяными месторождениями и над поставками нефти из района Персидского залива. По мнению российских авторов, именно это утверждение о необходимости воспрепятствовать захвату Советским Союзом ближневосточных источников нефти явилось основным аргументом, призванным оправдать наращивание прямого и косвенного военного присутствия США в районе Персидского залива и на подходах к нему. По этой причине во многих российских работах ближневосточная политика США оценивается весьма критично. В частности, утверждается, что США, начав активно вовлекаться в дела этого региона, искусственно нагнетали напряженность, используя для этого фальшивые тезисы о «советской угрозе» и «вакууме безопасности» для стран Запада. Например, это характерно для работ академика Е.М. Примакова, который в своих исследованиях довольно жестко раскритиковал действия американцев на Ближнем Востоке, полностью оправдывая ближневосточную политику Москвы [16]. Профессор Г.И. Мирский из ИМЭМО РАН был не столь однозначен в оценках двух сверхдержав на

Ближнем Востоке. Более того, с его точки зрения, значение Ближнего Востока, как в США, так и в СССР всегда несколько преувеличивалось. Согласно ему, стратегическая важность региона была бесспорна, но не сверхважна [12, с. 30]. Тем не менее, Ближний Восток на протяжении 40 лет был важной ареной противоборства двух сверхдержав. Правда, как отмечали российские авторы, в первые послевоенные годы в системе внешнеполитических приоритетов американской администрации Г. Трумэна район Ближнего и Среднего Востока занимал далеко не главное место.

Большинство современных исследователей России сходятся в том, что политика США в регионе в годы «холодной войны» была жесткой и бескомпромиссной [14; 17]. Американцы не желали давать СССР легитимное основание для присутствия на Ближнем Востоке. Как подчеркивал востоковед Г.И. Мирский, Соединенные Штаты стремились заменить Англию и Францию в качестве доминирующей западной державы в регионе, а также поставить преграду вероятной советской экспансии, создать плацдарм у южных границ СССР [12, с. 30]. Точки зрения о послевоенном соперничестве США и Великобритании за влияние в регионе, в результате которого победителем вышла Америка, придерживался и профессор Томского госуниверситета М.Я. Пеллипас [14]. По его мнению, именно становление ближневосточного направления американской внешней политики в первое послевоенное десятилетие проходило с наибольшими трудностями. В значительной степени это объяснялось сложностью политической обстановки в самом регионе. Согласно М.Я. Пеллипасу, значение ближневосточного региона в системе внешнеполитических приоритетов США возрастало по мере развития экономической и военно-политической интеграции Европы и завершения оформления раздела этого региона на сферы влияния США и Советского Союза [14].

В свою очередь СССР также стремился расширить плацдармы противоборства с Западом, в том числе и за счет активизации действий в данном регионе. Об этом прямо написал в своей книге мемуаров бывший первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, советник президента СССР К.Н. Брутенц [2, с. 299]. При этом российские исследователи по-разному расставляли акценты во внешнеполитических стратегиях сверхдержав. Так, согласно Г.И. Мирскому, когда речь шла о стратегическом значении Ближнего Востока для США и об американской стратегии в этом регионе, то под словом «стратегия» подразумевалась в первую очередь нефть [12, с. 32]. В Советском Союзе же, как считал К.Н. Брутенц, не существовало никакой стратегии окружения нефтедобывающих стран и контроля энергетических источников Ближнего Востока [2, с. 334]. В конечном итоге, США сумели выиграть у СССР геополитическую схватку в регионе Ближнего Востока. По мнению К.Н. Брутенца, сделали они это только «благодаря запасу прочности своей системы, но не политике, которая не была ни мудрее, ни проницательнее, ни профессиональнее, чем советская» [2, с. 383].

А.Ю. Шумихин из Института США и Канады РАН достаточно объективно оценил ближневосточную политику США в годы «холодной войны». С точки зрения исследователя, Ближний Восток привлек к себе внимание Америки по целому ряду взаимосвязанных причин: геостратегических, экономических, идейно-политических [18, с. 35]. Ученый назвал три категории интересов США в данном регионе: недопущение советского влияния в регионе, заинтересованность в доступе к нефтяным ресурсам, обеспечение выживания Израиля [18, с. 36]. Однако, по словам А.Ю. Шумихина, между этими интересами существовали определенные противоречия: ориентация на Израиль неизменно тормозила развитие отношений с нефтедобывающими арабскими странами. Поэтому возникла специфическая формула, объединившая эти интересы, определившая баланс между ними и не допускавшая полного игнорирова-

ния одного компонента заинтересованности в пользу любого другого. Для этого Вашингтон устанавливал преференционные отношения с национальными движениями и националистическими силами [18, с. 36]. Основным критерием тех или иных отношений США с национальными или религиозными движениями на Ближнем Востоке были соображения геостратегической выгоды и возможность осуществлять определенный контроль над местными процессами и вовлеченными в них силами [18, с. 39]. При этом А.Ю. Шумихин подчеркнул, что в число «радикалов» попадали все те, кто, как правило, выступал против США. Во многих случаях не имело значения, насколько было демократично или «модернизировано» местное общество. Например, участие в антиизраильской коалиции давало достаточно оснований для включения режима в число «радикалов». В зависимости от изменения ориентации внешнеполитического курса местные режимы во внешнеполитической стратегии США могли переходить из категории «радикальных» в «умеренные» и наоборот. Такая схема позволяла американским политикам в своих интересах более гибко подходить к сотрудничеству с авторитарными и тоталитарными режимами [18, с. 42].

По мнению многих ученых, израильская политика США полностью соответствовала интересам США в регионе. Например, Г.И. Мирский считал, что обеспечение безопасности Израиля уже много лет относится к категории внешнеполитических, двухпартийных приоритетов Соединенных Штатов [12, с. 39]. Другие исследователи (например, профессор Нижегородского госуниверситета О.А. Колобов), наоборот, отмечали, что израильская ориентация, развитие «особых» американо-израильских отношений противоречили национальным интересам США и были навязаны американскому руководству израильским лобби в Америке [7]. Автор указал на наличие «оси Тель-Авив–Вашингтон», которая объединила в единое целое всю совокупность разнообразных интересов США и их союзников на обширной территории к востоку и западу от Суэца [8, с. 31]. В целом, по его словам, динамика интересов США в ближневосточном регионе полностью соответствовала экономическому росту американского империализма и усилению политического влияния США в глобальном масштабе [8, с. 33].

Значительное внимание в российской историографии уделяется роли США в перманентном арабо-израильском конфликте. По мнению известного советского дипломата Г.М. Корниенко, действия США в арабо-израильских войнах были направлены на недопущение поражения Израиля, а при благоприятном исходе военных действий для еврейского государства американцы, наоборот, хотели быть единственным «спасителем» арабов от полного разгрома и обеспечить себе решающую роль в ближневосточном урегулировании, отодвинув СССР в сторону [9, с. 205].

О.А. Колобов выразил мнение о том, что политика США по отношению к арабо-израильскому конфликту к началу 1990-х гг. себя исчерпала. В качестве главных причин данного состояния он называл преимущественную ставку Белого дома на Израиль в ущерб взаимоотношениям с арабским миром, стремление США и Израиля обойти справедливое решение судьбы палестинцев и т.д. [8, с. 159].

С точки зрения востоковеда В.П. Юрченко, события 1980-х гг. в зоне Персидского залива были выгодно использованы Вашингтоном в интересах упрочения своих военно-политических позиций в регионе, превращения США в своего рода покровителя аравийских монархий [19, с. 7].

Важное место в ближневосточной политике США занимала Саудовская Аравия. Согласно В.П. Юрченко, США, несмотря на известные противоречия в двусторонних отношениях, отводили королевству особое место в деле укрепления своих политиче-

ских, военных и экономических позиций на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия считалась полезным партнером в американской политике с точки зрения политического, религиозного и нефтяного влияния в арабском и исламском мире [19, с. 15]. На протяжении 1974–1985 гг. Саудовская Аравия, поддерживая США, наносила удары по Советскому Союзу и советским интересам там и тогда, где и когда это, в силу каких-то обстоятельств, не могли сделать сами Соединенные Штаты. Антисоветский «джихад» в Афганистане – наиболее известный, но не единственный тому пример. Отдельными российскими авторами также обращается внимание на тот факт, что в 1985 г. саудовское королевство подтолкнуло Советский Союз к краху, обрушив мировые цены на нефть [6].

Достаточно большое внимание российские авторы обращают на взаимоотношения США и Египта. По мнению российских авторов, особый характер двусторонние отношения между Каиром и Вашингтоном приобрели в 1950-е гг., когда египетская республика встала перед выбором: на чьей стороне быть в разгар «холодной войны». Около двух десятилетий Египет был одним из самых дружественных государств для СССР на Востоке и врагом союзника США – Израиля, что в свою очередь предопределило конфронтационный характер отношений Каира с Вашингтоном [10, с. 26]. В российской историографии общепринятым является мнение о том, что со второй половины 1970-х гг., особенно после заключения в 1979 г. мирного договора между АРЕ и Израилем, начинается тесное политическое и военное сближение Египта и Соединенных Штатов. Как известно, поворот в отношениях между Каиром и Вашингтоном произошел при президенте АРЕ Анваре Садате (1970–1981 гг.). В 1974 г. были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. В результате, Каир становится одним из главных стратегических партнеров Вашингтона на Ближнем Востоке [10, с. 26; 19, с. 17].

По мнению А. Игнатенко, осознанной заявкой на особую роль в «холодной войне», составившей на тот момент основное содержание мировой политики, стала исламская «революция» 1978–1979 гг. в Иране. С его точки зрения, «исламская «революция» позиционировала себя как противостоящую «Большому Сатане» – Соединенным Штатам и «Малому Сатане» – Советскому Союзу. Ранжирование «Сатан» по размеру имело целью определить приоритеты. «Большой Сатана» был главным противником быстро клерикализирующегося Ирана, а «Малый Сатана» мог и подождать» [6]. Кроме того, во многом именно после падения в Иране шахского режима, который Вашингтон рассматривал как охранника «стратегических интересов» Запада в районе, американская администрация взяла курс на расширение своего прямого военного присутствия в самых разнообразных формах в зоне Персидского залива.

Некоторые исследователи обратились к другой актуальной теме – афганской политике США. Так, М.Р. Арунова проследила особенности и специфику американской политики в этом важном регионе мира в 1945–1980-х гг. Она подчеркнула тот факт, что «афганская» политика Вашингтона в течение всего послевоенного периода строилась с учетом советско-американского соперничества за сферы влияния. По ее мнению, свое главное внимание, начиная с первого послевоенного десятилетия, США уделяли Ирану, Пакистану и Саудовской Аравии. Что касается непосредственно афганской политики, то и до, и после Второй мировой войны она являлась составной частью общей внешнеполитической линии, проводившейся Белым Домом в регионе [1, с. 6]. Согласно М.Р. Аруновой, долгие годы Соединенные Штаты стремились вовлечь Афганистан в свою блоковую политику на Среднем Востоке и в Южной Азии. Вместе с тем пока кабульские власти проводили довольно взвешенный курс, основанный на принципах нейтралитета и неприсоединения, Вашингтон не проявлял здесь особой активности [1, с. 53]. Однако свержение старого режима и активное втягивание Совет-

ского Союза во внутриафганские дела, кульминацией которого стал ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., вызвали у США серьезное беспокойство. Американцы не могли допустить потери стратегического афганского плацдарма, что явилось бы крупным геополитическим поражением Вашингтона [1, с. 3]. Поэтому самым важным и имевшим далеко идущие последствия направлением деятельности Вашингтона на афганском направлении после ввода в Афганистан советских войск явилась активная работа по организационно-политическому оформлению исламской оппозиции и оказанию ей массивированной финансовой и военной помощи [1, с. 53]. Таким образом, в годы «холодной войны» политика США в отношении Афганистана определялась прежде всего его военно-стратегическим положением, территориальной близостью к СССР [1, с. 6].

Майкопский историк А.С. Ивашенко, проанализировав политику Вашингтона в отношении Афганистана после апрельского военного переворота 1978 г., придерживается традиционной версии о том, что афганская проблема, возникнув вначале как чисто региональная, оказала значительное влияние на весь комплекс международных отношений и, особенно, на отношения Восток – Запад. Ученый разделяет распространенную точку зрения о том, что именно афганский вопрос подвел черту под периодом разрядки и максимально обострил отношения между США и СССР. По его мнению, причинами эволюции политики США в отношении Афганистана явилось изменение регионального баланса сил в Юго-Западной Азии после иранской революции 1979 г. не в пользу США, интенсивное сближение СССР и ДРА, а также стремление Вашингтона показать на примере Афганистана странам «третьего мира», что выбор социалистического пути развития не является закономерным и обязательным [5, с. 82]. Кроме того, исследователь пишет, что в определенной мере активизации вмешательства США во внутренние дела Афганистана послужили аналогичные действия СССР в отношении ДРА [5, с. 81].

Большое внимание российских исследователей привлекла война в Персидском заливе 1990–1991 гг. [3; 11]. В современной литературе истоки и результаты первой войны в Заливе оцениваются неоднозначно. Например, профессор А.И. Чичеров назвал войну в Персидском заливе порождением «холодной войны» [13, с. 46]. В исследованиях начала 1990-х гг., несмотря на отдельную критику Вашингтона, часто встречаются довольно благожелательные оценки действий международной коалиции против Ирака под руководством США [13; 15]. Затем оценки действий США в этой войне у отдельных авторов стали приобретать все более критичный характер. Во многом причиной таких трактовок в российской историографии стали действия США в постбиполярном мире по утверждению своего миропорядка.

По мнению многих исследователей, обратившихся к изучению событий в Заливе, именно нефть лежала в основе возникшего в середине 1990 г. кризиса в Персидском заливе. Неслучайна, с их точки зрения, и роль США, которые стремились укрепить свои военно-политические позиции в регионе и обеспечить себе льготный режим в торговле с нефтедобывающими странами [15, с. 5]. Кроме того, как подчеркивает ряд авторов, Вашингтон стремился в ходе операции «Буря в пустыне» утвердиться в роли «первой страны мира», закрепиться на Ближнем Востоке и изжить последствия так называемого вьетнамского синдрома [13, с. 56-57; 15, с. 38]. Однако, как отмечал И.М. Попов, полный разгром Ирака не отвечал интересам США, потому что это могло привести к резкому изменению военно-политической обстановки в регионе в пользу Ирана [15, с. 13].

С точки зрения профессора Б.Н. Занегина, война в Персидском заливе, начатая в качестве повода для защиты Кувейта от оккупации Ираком, в действительности была

развязана США для того, чтобы взять под достаточно жесткий контроль военно-политическую ситуацию в регионе и, таким образом, обеспечить бесперебойное, свободное от колебаний в международно-политической и экономической конъюнктуре поступление энергетического сырья [4, с. 24].

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо просматривается огромный интерес исследователей к внешней политике США на Ближнем и Среднем Востоке в годы «холодной войны». Авторы с разных позиций (кто благосклонно, но большинство критично в отношении действий Америки) попытались представить свои оценки этой политики, показать причины американской заинтересованности в регионе, проанализировать американскую стратегию и т.д.

Список цитированных источников и литературы

1. Арунова, М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк) / М.Р. Арунова; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Ин-т востоковедения РАН. – М., 2000. – 128 с.
2. Брутенц, К.Н. Тридцать лет на старой площади. Мемуары / К.Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 1998. – 568 с.
3. Война в Персидском заливе / Э.П. Байков [и др.] ; редкол.: С.А. Богданов (рук. авт. коллектива). – М.: Воениздат, 1993. – 271 с.
4. Занегин, Б.Н. США в региональных конфликтах: малые войны и большая политика / Б.Н. Занегин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 8. – С. 20–29.
5. Иващенко, А.С. Эволюция политики США в Афганистане в 1979 г. / А.С. Иващенко // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 4. – С. 74–82.
6. Игнатенко, А. Холодная война, вид с Востока / И. Игнатенко // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 25.06.2009. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/Holodnaya-voina-vid-s-Vostoka>. – Дата доступа: 3.10.2009.
7. Колобов, О.А. Политика США по отношению к Израилю и арабским странам на рубеже 80–90-х годов XX века / О.А. Колобов. – Н. Новгород: изд-во НГУ, 1995. – 177 с.
8. Колобов, О.А. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины / О.А. Колобов. – Н. Новгород: Изд-во НГУ, 1993. – 226 с.
9. Корниенко, Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника / Г.М. Корниенко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с.
10. Мамед-заде, П.Н. Египет – США: развитие отношений в начале XXI в. / П.Н. Мамедзаде // Современный исламский Восток и страны Запада / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. – М., 2004. – С. 26–45.
11. Маначинский, А.Я. Операция «Буря в пустыне»: итоги и последствия / А.Я. Маначинский, В.Н. Чумак, Е.К. Пронкин // Военная мысль. – 1992. – № 1. – С. 88–92.
12. Мирский, Г.И. Ближний Восток и политика США / Г.И. Мирский // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 3. – С. 30–43.
13. Некоторые уроки войны в Персидском заливе: материалы дискуссии за «круглым столом». Апрель 1991 г. / Центр международных и военно-политических исследований Российско-американского ун-та; под общ. ред. Л.В. Степанова, А.И. Чичерова. – М., 1992. – 64 с.
14. Пелипась, М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. / М.Я. Пелипась. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. – 364 с.
15. Попов, И.М. Буря в пустыне / И.М. Попов. – М.: Знание, 1992. – 45 с.
16. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков. – М.: Российская газета, 2006. – 384 с.

17. Шенин, С.Ю. США – третий мир: у истоков новых отношений (история «пункта-4». 1949–1953) / С.Ю. Шенин. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1997. – 191 с.
18. Шумихин, А.Ю. США и Ближний Восток: эволюция взглядов и политики / А.Ю. Шумихин // США – экономика, политика, идеология. – 1997. – № 4. – С. 35-46.
19. Юрченко, В.П. Военно-политическая составляющая отношений государств Ближнего Востока и Северной Африки с США и Западной Европой / В.П. Юрченко // Современный исламский Восток и страны Запада / Ин-т изучения Израйля и Ближнего Востока; отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. – М., 2004. – С. 4–25.

КАМЕНЕЦКИЙ РАЙОН БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Кудрицкая Е.Г.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

На северо-западе Брестской области расположен Каменецкий район. Ни одна война не обошла стороной земли Каменетчины, и Великая Отечественная 1941–1945 гг. не стала исключением. До сих пор сложно подсчитать количество погибших воинов и мирных жителей на территории района, но их мужество, стойкость и героизм приблизили разгром немецко-фашистских агрессоров. Нацистские лидеры формулировали главную цель и характер войны против СССР еще задолго до нападения. Главный идеологический враг – это «советско-большевистский режим».

К середине июня 1941 года к границам СССР было стянуто 190 фашистских дивизий, а также войска сателлитов Германии. Огромная армия в 5,5 миллионов солдат и офицеров, оснащенная 3712 танками, 47260 орудиями и минометами, имевшая громадный воздушный флот из 4950 самолетов, готовилась к удару.

Каменецкий район в его современных границах входил в полосу действий 4-й армии фельдмаршала фон Клюге, входившую в группу армии «Центр», которая в первые дни войны наступала по направлению Брест – Пружаны – Барановичи. Территорию Высоковского и Каменецкого районов прикрывали заставы 17-го пограничного отряда. На границе возводились доты 62-го укрепрайона. Были подготовлены Волченский и Семятичский (ныне территория Польши) участки. Здесь имелось по 4 - 6 дотов, уже готовых к бою. Оружие и личный состав были переведены из Мозырьского укрепрайона. Слабой стороной было отсутствие связи гарнизонов, дотов между собой и полевыми частями. В районе г. Высокое имелся полевой аэродром, на который перед самой войной был переброшен штурмовой авиаполк. Он имел самолеты устаревших конструкций и только две новейшие машины «Ил-2». В районе Высокое – Волчин – Каменец дислоцировалась 49-я Краснознаменная стрелковая дивизия. Она была сформирована в городе Старая Русса осенью 1939 года, участвовала в войне 1939–1940 гг., а затем была переброшена в западную Белоруссию. К началу войны дивизия была полностью укомплектована, вместе с тем значительную часть личного состава составляли молодые воины, еще не имевшие должной военной подготовки. Дислокация частей дивизии на 15 мая 1941 г. была следующей: 1) штаб дивизии – в г. Высокое, здесь же рота регулировщиков и военная прокуратура; 2) 15-й стрелковый полк – д. Вулька и здесь же 121-й противотанковый артдивизион; 3) 212 - й стрелковый полк – ст. Нурец; 4) 222-й стрелковый полк – г. Черемха; 5) 31-й легкий артиллерийский полк и штабная батарея начальника дивизии – фольварк Александрия;